

РЕАЛИСТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО И СОЦРЕАЛИСТИЧЕСКИЙ КАНОН: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ ВЕРЫ ПАНОВОЙ

Снигирева Т. А.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3795-963X>

А н н о т а ц и я. Материалом анализа стало творчество В. Пановой первых послевоенных лет, которые традиционно рассматриваются как годы позднего соцреализма. Сосредоточение на романе «Кружилиха», тематически соответствующем наиболее ортодоксальному жанру соцреализма – производственному роману, – позволило показать, как на площадке одного текста разворачивается противостояние канона и индивидуальной манеры письма. В целом весь роман пронизан идеей силы коллектива, единством трудового порыва, атмосферой нормы, правильности – подвиг творят люди хорошие. Но, и это уже особость мировоззренческой позиции и характера письма Пановой, в романе ощутима установка на «правду факта», правду сущего, но не должного. Отсюда – описание тотальной неустроенности советского повседневья, дискомфорта работы на износ. Детально выписан коммунальный быт, невероятная теснота, отсутствие приватности, изнурительности «жизни на глазах». Писательницу в производственном романе интересуют не только события производственной деятельности, но события души отдельного человека, живущего фактически в экстремальных обстоятельствах, но принимающего их за норму. В финале делается вывод о том, что в создании культуры шестидесятилетия деятельно участвовало поколение тех, кого принято (с полярными оценками) называть «советскими классиками». Творческое поведение и литературная работа Веры Пановой созвучны эпохе «оттепели» с ее идеей «социализма с человеческим лицом» и решительным отказом от морализаторства и дидактизма авторитарного стиля.

К л ю ч е в ы е с л о в а: соцреалистический канон; соцреализм; русская литература; русские писательницы; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные образы; производственные романы; индивидуальный стиль.

Д л я ц и т и р о в а н и я: Снигирева, Т. А. Реалистическое письмо и соцреалистический канон: художественный опыт Веры Пановой / Т. А. Снигирева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 147-153.

REALISTIC WRITING AND SOCIALIST-REALISTIC CANON: ARTISTIC EXPERIENCE OF VERA PANOVA

Tatyana A. Snigireva

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Institute of History and Archaeology of Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3795-963X>

A b s t r a c t. The creative activity of V. Panova of the first post-war years, which are traditionally considered as the period of late socialist realism, became the material of analysis in this article. Focusing on the novel “Kruzhilikha”, thematically corresponding to the most orthodox genre of socialist realism – occupational novel – allows showing how the confrontation between canon and individual writing style unfolds within one text. In general, the whole novel is permeated by the idea of collective strength, the unity of labor impulse, and the atmosphere of normality and rightness – the feat is accomplished by good people. But in the novel – and it is already a peculiarity of Panova’s worldview and style of writing – we feel the pursuit of “the truth of the fact”, the truth of the essential, but not of the appropriate. Hence comes the description of total insecurity of Soviet Union’s day-to-day life and discomfort of the hard work. The communal life, incredible congestion, lack of privacy and feeling tired of “living before other persons’ eyes” are depicted in detail. In an occupational novel, the author is interested not only in the events of industrial activity, but also in the soul of the individual, who is actually living under extreme circumstances, but taking them as a norm. The author of the article concludes that the generation of those, whom it is customary to call (with a contradictory connotation) “Soviet classics”, actively participated in

creating the culture of the sixties. The creative activity and the literary work of Panova are in line with the epoch of "The Thaw" with its idea of "socialism with a human face" and categorical denial of moralization and didacticism of the authoritarian style

Keywords: socialist-realistic canon; socialist realism; Russian literature; Russian women-writers; literary creative activity; literary genres; literary plots; literary images; occupational novels; individual style.

For citation: Snigireva, T. A. (2022). Realistic Writing and Socialist-Realistic Canon: Artistic Experience of Vera Panova. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 1, pp. 147-153.

Внешне творческая судьба В. Ф. Пановой вполне соответствует традиционному пути советского писателя, причем писателя первого ряда. В Ростове-на-Дону, где родилась в семье интеллигентной, но малообеспеченной, она получила неплохое образование (несколько классов гимназии), которое, впрочем, было оборвано революцией и гражданской войной и в течение всей жизни дополнялось самообразованием. В 1920-е годы прошла школу рабкора и школы разных творческих объединений, главным образом авангардного (но не только) характера. В начале 1930-х годов переезжает в Ленинград, продолжает журналистскую деятельность, пробует силы в драматургии (успешно, скажем, шла ее пьеса «Старая Москва» в обеих столицах). В 1943 оказывается с семьей (матерью и тремя детьми) в Перми (тогда – Молотов), работает в газетах «Сталинская путевка», «Звезда», на местном радио, сотрудничает с альманахом «Прикамье». Начиная с 1943 года по заданию редакции с санитарным поездом совершает несколько поездок на фронт. В эвакуации пишет повести «Евдокия» («Семья Пирожковых»), «Кружилиха» («Люди добрые»), «Спутники» («Санитарный поезд»). В 1947 году удостоивается Сталинской премии первой степени (за повесть «Спутники»), в 1948 – Сталинской премии второй степени (роман «Кружилиха»), в 1950 – Сталинской премии третьей степени (роман «Ясный берег»). В 1965 в связи с шестидесятилетием получает Орден Трудового Красного Знамени.

Частично эти сведения в их официальной части, как и анализ творчества писательницы в качестве безусловного образца соцреалистического искусства, можно почерпнуть из монографий шестидесятых годов¹. Показательно, что постсоветское лите-

ратуроведение фактически потеряло свой интерес к В. Пановой как к писателю, работающему в официально-подцензурном ключе. Но при чтении автобиографической прозы «Мое и только мое», опубликованной только в конце 1980-х годов, сборника воспоминаний [Воспоминания 1988], прежде всего фрагментов книги Г. Данелия «Безбилетный пассажир» [Данелия 2015], «Записных книжек» С. Довлатова, других ленинградцев шестидесятых и, главное, при внимательном изучении ее пьес и прозы, которые, видимо, в достаточно полном объеме опубликованы в пятитомном собрании сочинений (1980–1989), возникает возможность и даже необходимость интерпретации ее судьбы и творчества в несколько ином ключе.

Прежде всего очевидно несоответствие В. Пановой общепринятой официальной писательской модели поведения. Амплуа «официального писателя», в послевоенные годы предполагающее личную «преданность Государству, Партии, Сталину» [Голубков 2001: 89], не соотносится ни с литературным, ни с жизненным поведением Веры Пановой, в судьбе которой доминантной видится сильная личная воля, сильный характер, не позволяющий «быть как все», диктующий необходимость «быть самим собой». Несколько эпизодов биографии. В связи с убийством Кирова ее второй муж Б. Вахтин был арестован и сослан в Кемь, Панова, одна из очень немногих, добивается свидания и успевает проститься с мужем, отцом своих сыновей, перед его гибелью. В 1941 году вместе с дочерью и женщиной, у которой она снимала квартиру в Пушкино, сумела сбежать из здания синагоги под Нарвой, куда немца-

[Нинев 1964], З. Б. Богуславская. Вера Панова [Богуславская 1963], С. Я. Фрадкина. В мире героев Веры Пановой: Творческий портрет писательницы [Фрадкина 1961].

¹ См.: Л. А. Плоткин. Творчество В. Пановой [Плоткин 1964], А. А. Нинев. Вера Панова. Творчество и судьба

ми были согнаны несколько сот человек. А далее – прошла с девочкой-подростком и старой женщиной три тысячи километров по оккупированной территории, пробираясь в село под Полтавой, где были ее мать и сыновья. Жила в лесу с односельчанами, переживая отход немцев, вернулась к сожженному дому. Смогла на перекладных вывести семью в эвакуацию. Вернувшись в Ленинград, в сложнейшее послевоенное десятилетие и полные противоречий «оттепельные» годы она, обладая несомненным авторитетом, последовательно отстаивала свою позицию «социализма с человеческим лицом», «прикрывая» диссидентов и правозащитников, помогая оппозиционно настроенным писателям весьма простыми, но действенными способами, например брала их в литературные секретари, как С. Довлатова или А. Арьева, то есть давала официальную работу, что в то время было своеобразной охранной грамотой. Показательно признание Валерия Попова: «Мы тогда готовились стать писателями и очень внимательно искали для себя достойный пример. Для нас им стала Вера Панова. Помню, я увидел ее на премьере спектакля “Проводы белых ночей” по ее пьесе. Во время антракта в фойе ходила маленькая аккуратная женщина в сопровождении своей свиты. Казалось бы, ничего особенного в ней не было, но чувствовалось, что Панова источает какую-то невероятную невидимую силу. Что нас, молодых писателей, в ней привлекало? Во-первых, ее талант, ее литературная мощь, которая не вызвала никаких сомнений. Во-вторых, колоссальная внутренняя свобода и независимость. Панова, как настоящий писатель, понимала, что в литературе нужно постоянно делать подвижки, нужно быть смелее, чем раньше, – иначе нет смысла писать. Ради этого она шла на самые опасные конфликты, считая, что без борьбы ей нельзя работать. Она умела не идти на поводу у власти, будучи лауреатом Сталинских премий, оставаясь в президентских комитетах».

Но, думается, нет смысла упрощать ситуацию и делать из писательницы тайного оппозиционера режиму. Жизненная сила, вера в справедливость и добрых людей, помогающих преодолеть испытания, честность взгляда на мир, привязанность к

семье, дому, зоркость наблюдателя, и это очевидно из ее автобиографической прозы, писавшейся прежде всего «для себя», весьма органично и естественно сочетались с теми социалистическими идеалами, которыми жило поколение писательницы, поколение (можно вспомнить А. Платонова) счастливой Москвы, то есть поколение, которое появилось «на свет между Ходынской и Цусимой, подтверждено Октябрем 1917 года. Они уже не выбирали пути – история за них выбрала. (...) Славных полководцев – маршалов Советского Союза, прошедших от Бреста до Сталинграда и от Сталинграда до Берлина, – дает это поколение. И – классиков социалистического реализма. Само себя оно называло “Октябрьским”. Появившемся вовремя. Еще называло – счастливым. Самым счастливым в истории» [Аннинский 2004: 198]. Для Пановой естественно назвать газетную статью военных лет «Слово Сталина», но столь же естественно точно обозначить свое особое, весьма значительное место в движении и достижениях страны: «Я – литератор (...) Я стараюсь описывать высокие чувства и благородные поступки, которые тронули бы читателя и вызвали у него стремление подражать им» [Панова 1944: 1].

Проза дебютных для В. Пановой сороковых годов вполне вписывается в жанрово-тематический канон позднего соцреализма, заметим сразу – жанровый, но не стиливой. «Кружилиха» – производственный роман, «Ясный берег» – роман о восстановлении разрушенного сельского хозяйства, «Спутники» – военная повесть, «Евдокия» – повесть о героизме трудового подвига в тылу. В данном случае важны литературные ряды, в которые вписываются произведения, принесшие В. Пановой славу и официальные почести. «Кружилиха» соотносима с «Битвой в пути» Г. Николаевой, «Искателями» Д. Гранина¹, но не с романами «Журбины» и «Братья Ершовы» В. Кочетова. Не самый удачный, по признанию самой писательницы, роман «Ясный берег» много «человечнее», нежели

¹ См. точное замечание о названных произведениях: «они не порывали с социалистической идеологией, они старались в той или иной мере усовершенствовать этот метод, “очеловечить”, гуманизировать соцреалистическую систему ценностей» [Лейдерман 2010: 736].

ходульно-плакатные «Счастье» П. Павленко, «Плавучая станица» В. Закруткина или пресловутый «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского. «Спутники» – повесть о героизме «простого человека» на войне, изначально встала в один ряд с «В окопах Сталинграда» В. Некрасова и «Звездой» Э. Казакевича. Пьеса «Метелица» («Военнопленные»), написанная на автобиографическом материале, вполне соотносима по трагической силе с «Нашествием» (первой редакции) Л. Леонова.

Сосредоточим внимание на романе «Кружилиха», выполненном, на первый взгляд, по уже сложившейся схеме, пожалуй, самого одиозного жанра соцреализма – жанра производственного романа. Пространственно и временно роман четко определен: Кружилиха, производственный район Города (конкретный локус легко считывается – Мотовилиха, один из рабочих районов Молотова) военных лет. Основное место действия – завод, работающий на оборону, который в производственном романе является «моделью общества, где все участники трудового процесса запускали цементный завод, прокладывали нефтепровод, строили корабль, собирали трактора» [Лейдерман 2010: 738]. Немало страниц посвящено описанию трудового процесса: станки, втулки, форсунки, норма выработки, стахановцы, передовики. Но, заметим, в отличие от канонических производственных романов нет вредителей и лентяев, а личностные качества молодой стахановки Лиды весьма нехороши (амбициозность, расчетливость, неприкрытый карьеризм и отчетливое презрение к людям). Приемы создания образа завода традиционны: его символ – гудок, смысл – единство коллектива «добрых людей»: «...десять тысяч людей добрых всякого роду племени сошлись на завод на дневную смену. Гудок утихает медленно, он словно спускается с высот – ниже, ниже, – припадает к земле, расплывается по ней, замирает где-то в недрах глухой басовитой нотой. Протекли, разлились по цехам людские потоки» [Панова 1972: 6]. Подробно представлен социальный срез завода, соотносимый с принятым изображением общества военных лет. Это фактически все социальные «этажи»: от уборщицы до директора, с неизменными образами парторга, завко-

ма, начальника цеха, мастера, новичка / ученика. Важен поколенческий срез (пять поколений): восьмидесятилетние старейшины (глава конструкторского бюро и старый мастер), сорока-пятидесятилетние (начальники всех уровней), тридцатилетние (инженеры и фронтовики, комиссованные после ранений, но вернувшиеся в «трудовой строй»), двадцатилетние – молодежь (передовики и уже орденосцы), подростки двенадцати – шестнадцати лет, «Дети завода» (так названа одна из глав).

Производственные отношения «подсвечены» и смягчены любовными интригами, обязательными для производственного романа, в них вовлечены все поколения, что предполагает разные краски: от восторгов первой любви до грусти возрастных отношений. Психологический рисунок этих страниц романа прочерчен внутренними монологами, введением дневниковых записей героев, их писем и – одновременно – окрашен авторской иронией разной палитры – от улыбки до сарказма, что уже является знаком отступления от общепринятой простоты авторской позиции в производственном романе. Конечно, Панова не избежала риторики своего времени и допускала лобовые публицистические вставки, но значительно чаще в речь персонажей, а не в свою. Например, комсомольский вожак в «Кружилихе» декларирует: «... я смотрю на это дело с человеческой точки зрения, и мне кажется, что это самая партийная, самая комсомольская точка зрения и что она больше всего совпадает с духом нашего государства, с нашей Конституцией» [Панова 1972: 73]. Да, и это уже черта официальной литературы послевоенных лет, в «Кружилихе» нет острого социального конфликта. Между завкомом Уздечкиным и директором завода Листопадом возникает не принципиальное расхождение, а психологическая несовместимость, которая снимается доверительным разговором. Характерно, что этот фрагмент, дабы снять даже намек на неразрешимость противостояния между директором (приоритет которого – наращивание производства) и завкомом (главная забота которого – люди завода), Пановой пришлось дописать после обсуждения романа

и в редакции газеты «Звезда», и в Ленинградском издательстве¹.

В целом весь роман пронизан идеей силы коллектива, единством трудового порыва («все для фронта, все для победы»), атмосферой нормы, правильности – подвиг творят люди *добры*. Но, и это уже особенность взгляда Пановой, в романе постоянно присутствуют подчеркнутая неустроенность, дискомфорт жизни, жизни и работы на износ. Отдельным абзацем, как рефрен повторяется: «Гудит гудок на Кружилихе, сзывает людей на работу. По неделям не выходят люди из цехов: станет человеку невоготу – ляжет тут же в сторонке и засыпает каменным сном. Проснется и опять к станку: дай-дай, нажимай!» [Панова 1972: 111]. Детально выписаны коммунальный быт, невероятная теснота, отсутствие приватности, изнурительность «жизни на глазах». Карточки, очереди, переполненные трамваи, грязная вода в раковинах юнгородка, дымящиеся трубы, серые покосившиеся дома, холодные комнаты, брошенные одни дети, старая одежда, которую приходится перелицовывать. Все герои романа болеют: от старческой немощи, от фронтовых ран, от работы без выходных по 11 часов в день четыре года подряд, от недосыпания, голода, холода. У детей нередко названы болезни – корь, ветрянка, скарлатина, простуда, ангина, а их приходится оставлять дома одних и идти на завод. Панова способна на резкий, вызывающий для тех лет штрих: глазами ребенка, малый рост которого дает особое приближение, фиксируется трагизм судеб войны: «Люди шли по улице, входили в магазины, выходили из магазинов. Ловко вскидывая над снежным тротуаром короткое толстое туловище, на руках прошел безногий, его отечное, темное, хмельное

лицо вдруг вынырнуло перед Люськой. Люська отпрянула» [Панова 1969: 108]. Найденный в «Кружилихе» ракурс – мир, данный через оптику ребенка, станет доминантным в более поздних и более знаменитых повестях «Валя», «Володя», «Сережа», предвосхитивших «оттепельных детей» от Ч. Айтматова до Ф. Искандера и В. Астафьева.

В. Панову в производственном романе интересуют не только события жизни, но и события души. Таким событием, всегда акцентированным, становится чтение, ее герои – герои, много и жадно читающие. В «Кружилихе» это не только «Как закалялась сталь», но и «Обрыв» и «Граф Монте-Кристо», причем книге А. Дюма, ее воздействию на подростков военного времени отдана чуть ли не глава. В «Спутниках» – это не только «Крокодил» и «Пропагандист», но и «Сказки» Пушкина, «Евгений Онегин», рассказы Джека Лондона, «Нива» и даже «Ключи счастья». Книга, кроме необходимой части духовной жизни героев, – еще и знак приватности, дома, важнейшей составляющей устойчивой мотивной структуры прозы Пановой военных и первых послевоенных лет: мороз – дорога – дом. Первое впечатление В. Пановой по приезде на Урал – холод: «Увы! Печально и неласково встретила нас станция Пермь-вторая обледеневшим вокзалом, морозным ветром, желтыми сосулькам на вагонах, теснившихся на пути» [Панова 1989: 470]; «Военные зимы были (или казались?) немилосердно, небывало лютыми. А ездить приходилось почему-то все зимой, тоже в условиях небывалых» [Панова 1989: 483]. Холод и неустроенность – условия, в которых люди войны вынуждены работать и работают: «По гудку к проходным устремляются люди. Одни пришли пешком из поселка, другие приехали трамваем, большинство – поездами. Длинные поезда подвозят и подвозят людей к полустанку – из города, из пригородов. Только остановится поезд, народ высыпает из вагонов – и приливает, приливает толпами к проходным. Тулупы, ватники, кожанки, шинели, штатские пальто, меховые шубки. Платки, ушанки, шлемы-бушлаты, вязаные шапки» [Панова 1972: 5-6]. Замещение человека вещью, монотонность и даже некая обреченность движения толпы противопоставлены в прозе В. Пановой идее

¹ Любопытно, как В. Панова в какой-то мере объясняет свое решение написать «сцену дружественной беседы», вспоминая свой разговор с Вс. Вишневским, который и при второй встрече с ней «вернулся к упрекам, обвиняя на этот раз в том, что я описала Листопада и Уздечкина как антагонистов, тогда как коммунисты должны уметь находить общий язык. Он явно не понимал моего замысла и пытался навязать мне нечто свое. Я уже восстала против этого всем сердцем, как вдруг увидела, что он ... плачет! (...) я поняла, что он, во всяком случае, бесконечно искренен, доверие мое к нему восстановилось мгновенно...» [Панова 1989: 497].

дома. В «Спутниках» домом становится санитарный поезд. Дом, комната всегда тщательно описываются, подробно, с вниманием к предметному, вещному миру, это – взгляд хозяйки, женщины, знающей, что такое потерять дом и умеющей его восстановить: «Не до уюта. А мать все равно вьет гнездо (...). Вила гнездо под крышей, в комнате, оклеенной новыми обоями. Вила, как могла, на тротуаре под небом на Лиговке. Теперь вьет на вагонной полке» [Панова 1969: 93]. Даже в газетно-очерковой публикации военных лет «Отец, мать и сыновья» Панова не преминет, обрисовывая любимый ею характер сильной, домовитой, строгой женщины-хозяйки, заметить: «Можно бы забежать в литейный, к своему старику, погреться хорошенько, чтобы проняло жаром зябкие старушечьи кости. Но она стоит у своих бидонов, пока не раздаст все до последней капли. А там уже не греться идти, а поскорей домой: мыть полы, стирать, варить и печь для своего старика...» [Панова 1944: 1].

«Голый уют» [Быков 2012] прозы В. Пановой с очевидностью ломает голую схему официальных жанров. Да, в ее производственном романе не обошлось без образа Сталина, без которого в послевоенное десятилетие произведение вряд ли могло пройти цензуру. По воспоминаниям и слухам, у Пановой был Главный читатель, поклонник ее «Спутников» и, видимо, «Кружилихи», но каждая ее публикация встречалась критическими нападками со стороны ортодоксальной критики, потом – настороженная пауза, потом – Сталинская премия. Прав Ю. Герман, заметивший, что «Панова каждым новым своим произведением делает ставку ва-банк», и этим объяснивший «ее популярность» [Панова 1989: 501]. Но, думается, Панову читали и чтители не только из-за ее нежелания вписываться в ставшую привычной монументальную гладкопись, но и благодаря самой манере письма, своему индивидуальному стилю, который есть не что иное, как «невозможность писать иначе» (Ст. Рассадин). В прозе, написанной во время войны и первые послевоенные годы, сказывался накоплен-

ный опыт очеркиста: фактографичность, точность описания. Любопытно, что после войны она специально вернулась в Пермь, чтобы «добрать» реальный материал для «Кружилихи». Писательница признается, что именно «так складывался роман: факт к факту, лицо к лицу» [Панова 1989: 503]. По поводу «Спутников» замечает: «Кто знает, может, я и существую до сих пор потому, что 312-му санпоезду понадобилось полудить котлы, и сделать это по каким-то причинам пришлось в Перми... В хаосе рассказов, песен, слез зарождалась книга о подвиге любви и милосердия» [Панова 1989: 485].

Сыграл свою роль и опыт драматурга: внимание к динамике повествования, своеобразная раскадровка, связанная с манерой работы: «... перетасовать эти куски и кусочки романа таким образом, чтобы добиться как можно большего эффекта от столкновения разных кусочков и целых глав» [Панова 1989: 503]. Ощутимо хорошее знание литературы, в том числе экспериментов 1920-х годов: «голая проза», без придаточных, очень короткая динамичная фраза, постоянная смена точек зрения, нет повествовательной описательности, «штиля стиля». «Авторитарное слово как первичный элемент поэтики соцреализма» [Круглова 2005: 368] более чем нехарактерно для письма В. Пановой.

Не удивительно, что художественный опыт В. Пановой оказался востребованным «оттепельным» кинематографом: в шестидесятые годы по мотивам ее произведений были выпущены более десяти фильмов, среди них: «Сережа» (1960 г. реж. Георгий Даниеля, Игорь Таланкин), «Евдокия» (1961 г. реж. Татьяна Лиознова), «Високосный год» (1961 г. реж. Ан. Эфрос), «На всю оставшуюся жизнь» (1975 г. реж. Петр Фоменко).

В создании культуры шестидесятилетия деятельно участвовало поколение тех, кого принято (с полярными оценками) называть «советскими классиками». Творческое поведение и литературная работа Веры Пановой созвучны эпохе «оттепели» с ее идеей «социализма с человеческим лицом» и решительным отказом от морализаторства и дидактизма авторитарного стиля.

Литература

- Аннинский, Л. Красный век: Серебро и чернь. Медные трубы / Л. Аннинский. – М. : Молодая гвардия, 2004. – 397 с.
 Богуславская, З. Вера Панова / З. Богуславская. – М. : Худож. лит, 1963. – 321 с.

- Быков, Д. Вера Панова / Д. Быков // Дилетант. – 2012. – № 7. – С. 227-228.
 Воспоминания о Вере Пановой : сб.ст. / ред. А. Нинов. – М. : Сов. писатель, 1988. – 450 с.
 Голубков, М. М. Русская литература XX в.: После раскола / М. М. Голубков. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 267 с.
 Дaneliya, G. Безбилетный пассажир / Г. Дaneliya. – М. : Эксмо, 2015. – 403 с.
 Круглова, Т. А. Советская художественность, или Нескромное обаяние соцреализма / Т. А. Круглова. – Екатеринбург. : Изд-во гуманитарного университета, 2005. – 384 с.
 Лейдерман, Н. Л. Теория жанра. Исследования и разборы / Н. Л. Лейдерман. – Екатеринбург : УрГПУ, 2010. – 904 с.
 Нинов, А. А. Вера Панова. Творчество и судьба / А. А. Нинов. – Л. : Лениздат, 1964. – 298 с.
 Панова, В. Кружилиха. Спутники. Сережа / В. Панова. – М. : Сов. писатель. 1972. – 512 с.
 Панова, В. Отец, мать и сыновья / В. Панова // Звезда. – 1944. – 12 ноября, № 222 (7477).
 Панова, В. Повести / В. Панова. –Л. : Сов. писатель. Ленингр. отд. 1969. – 352 с.
 Панова, В. Слово Сталина / В. Панова // Звезда. – 1944. – 17 ноября, № 225 (7480).
 Панова, В. Ф. О моей жизни, книгах и читателях / В. Ф. Панова // Панова В. Собрание сочинений : в 5-ти т. Т. 5. Историческая и автобиографическая проза. – Л. : Худож. лит. Ленингр.отд. 1989.
 Плоткин, Л. А. Творчество В. Пановой / Л. А. Плоткин. – М. ; Л. : Лениздат, 1964. – 243 с.
 Фрадкина, С. Я. В мире героев Веры Пановой: Творческий портрет писательницы / С.Я. Фрадкина. – Пермь : Кн. изд-во, 1961. – 251 с.

References

- Anninsky, L. (2004). *Krasnyi vek: Serebro i chern'. Mednye trubyy* [The Red Century: Silver and Rabble. Copper Pipes]. Moscow, Molodaya gvardiya. 397 p.
 Boguslavskaya, Z. (1963). *Vera Panova* [Vera Panova]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 321 p.
 Bykov, D. (2012). *Vera Panova* [Vera Panova]. In *Diletant*. No. 7, pp. 227-228.
 Daneliya, G. (2015). *Bezbiletnyi passazhir* [A Passenger Without a Ticket]. Moscow, Eksmo. 403 p.
 Fradkina, S. Ya. (1961). *V mire geroev Very Panovoi: Tvorcheskii portret pisatel'nitsy* [In the World of Vera Panova's Characters: Creative Portrait of the Writer]. Perm, Knizhnoe izdatel'stvo. 251 p.
 Golubkov, M. M. (2001). *Russkaya literatura XX v.: Posle raskola* [Russian Literature of the XX Century: After the Split]. Moscow, Aspekt Press. 267 p.
 Kruglova, T. A. (2005). *Sovetskaya khudozhestvennost', ili Neskromnoe obayanie Sotsrealizma* [Soviet Artistry, or Indiscreet Charm of Social Realism]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo gumanitarnogo universiteta. 384 p.
 Leiderman, N. L. (2010). *Teoriya zhanra. Issledovaniya i razbory* [The Theory of Genre. Research and Analysis]. Ekaterinburg, UrGPU. 904 p.
 Ninov, A. (Ed.). (1988). *Vospominaniya o Vere Panovoi* [Memories of Vera Panova]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 450 p.
 Ninov, A. A. (1964). *Vera Panova. Tvorchestvo i sud'ba* [Vera Panova. Art and Destiny]. Leningrad, Lenizdat. 298 p.
 Panova, V. (1944). *Otets, mat' i synov'ya* [Father, Mother and Sons]. In *Zvezda*. 12 November. No. 222 (7477).
 Panova, V. (1944). *Slovo Stalina* [The Word of Stalin]. In *Zvezda*. 17 November. No. 225 (7480).
 Panova, V. (1969). *Povesti* [Novellas]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie. 352 p.
 Panova, V. (1972). *Kruzhilikha. Sputniki. Serezha* [Looking Ahead. The Train. Seryozha]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 512 p.
 Panova, V. F. (1989). *O moei zhizni, knigakh i chitatel'yakh* [About my Life, Books and Readers]. In *Panova V. Sobranie sochinenii, in 5 vols.* Vol. 5. Istoricheskaya i avtobiograficheskaya. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. Leningradskoe otdelenie.
 Plotkin, L. A. (1964). *Tvorchestvo V. Panovoi* [Art of V. Panova]. Moscow, Leningrad, Lenizdat. 243 p.

Данные об авторе

Снигирева Татьяна Александровна – профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; ведущий научный сотрудник центра Истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия).
 Адрес: 620000, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; 620990, Россия, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16.
 E-mail: taso905@rambler.ru.

Author's information

Snigireva Tatyana Aleksandrovna – Professor of Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; Leading Researcher of Department of History of Literature, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 14.01.2022; дата публикации: 30.03.2022

Date of receipt: 14.01.2022; date of publication: 30.03.2022